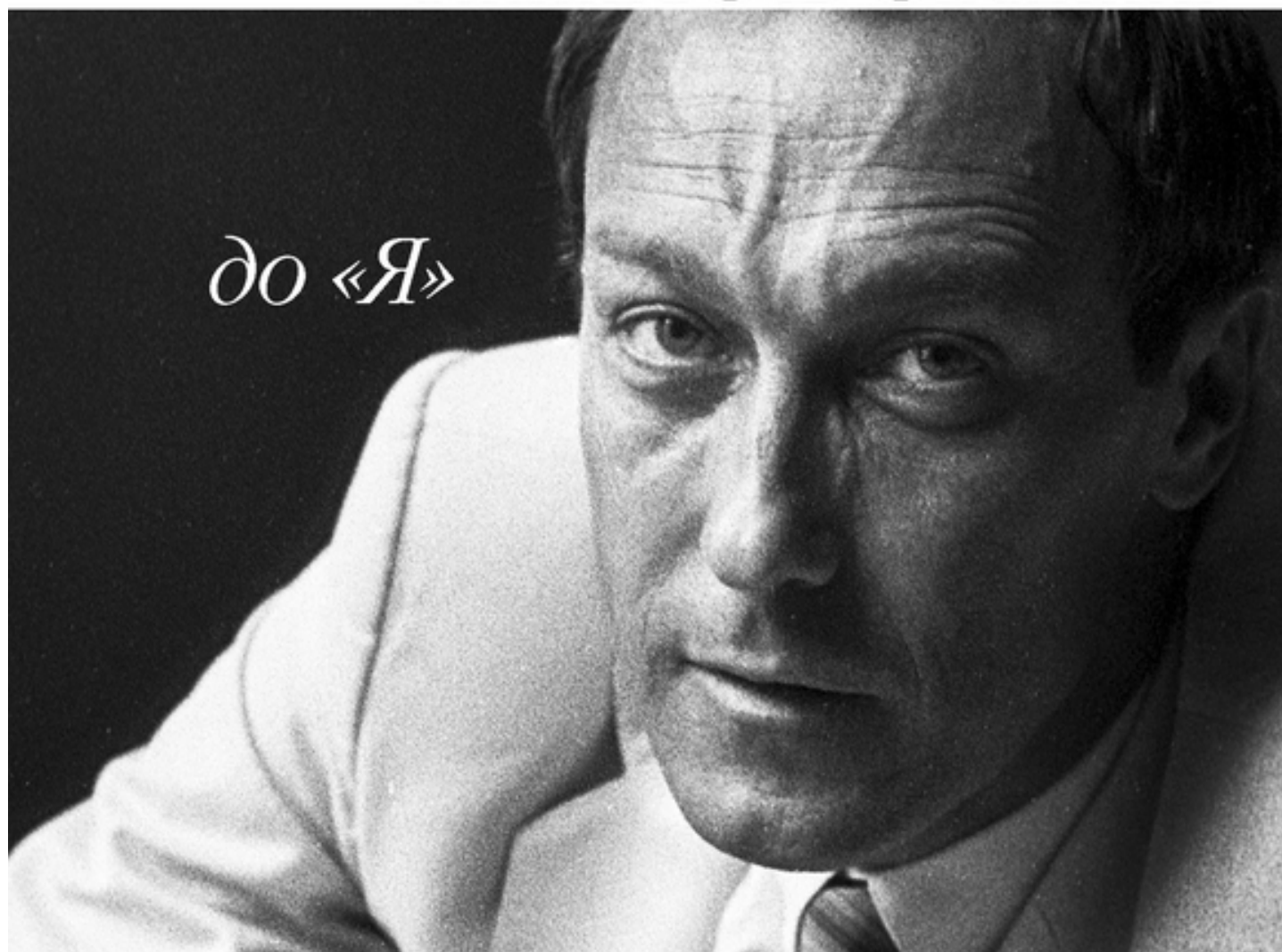

От «А»

АБДУЛОВ *и* ЯНКОВСКИЙ

до «Я»

Театральный Олимп

**От «А» до «Я». Александр
Абдулов и Олег Янковский**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 792.2.071.2(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

От «А» до «Я». Александр Абдулов и Олег Янковский /
«Издательство АСТ», 2017 — (Театральный Олимп)

ISBN 978-5-17-099449-6

Александр Абдулов и Олег Янковский, наверное, ярчайшие артисты театра «Ленком», наряду с Евгением Леоновым, Татьяной Пельтцер, Леонидом Броневым. «Хочу остаться легендой», — говорил в интервью Александр Гаврилович Абдулов. «Хочу остаться...» — не произносил вслух Олег Иванович Янковский. Эта книга нашей памяти о них. «Чтобы помнили», — говорил другой артист, служивший другому театру. Мы помним всех.

УДК 792.2.071.2(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-099449-6

, 2017

© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Александр Абдулов. Монолог длиной в 30 лет	6
Интервью перед выборами в московскую городскую думу	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юрий Крылов
От «А» до «Я». Александр
Абдулов и Олег Янковский

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Александр Абдулов. Монолог длиною в 30 лет

Последние семьдесят лет очень многие в этой стране занимались не своим делом. А вообще-то я убежден, что в наших условиях это единственный способ найти себя и занять свое место в общественной иерархии.

Кто-то внедрил в общественное сознание соображение о том, что, например, благотворительность не мое дело... Мое! И, уверяю, заниматься этим гораздо труднее, чем любую роль сыграть в театре или в кино.

Я уверен, что благотворительность в стране нищих и голодных может принести довольно ощутимые результаты...

Не думаю, что она сулит хоть какое-то обеспечение беженцам или людям, живущим за чертой бедности. Вряд ли даже тысячи благотворительных концертов могут помочь пострадавшим от чернобыльской аварии. Почти убежден, что не станет лучше жизнь сирот... Но наша задача – заставить людей снова поверить в благое дело...

Я прекрасно осознаю то, что сколько денег ни соберешь, все это вполне может провалиться в «черную дыру»... Но я хитрый. Кому попало денег не отдаю.

Я привык к снисходительным оценкам наших «Задворок» – «сборище элиты», «шоу для богемы»... Но я не обижаюсь, не бью себя кулаком в грудь, не оправдываюсь. Потому что мы делаем конкретное дело – компьютеры для определенного детского дома или возрождение старейшей церкви в Путинках, разрушенной, разграбленной, на долгие годы заколоченной. Такой и должна быть благотворительность. Конкретной! Я лично вижу результаты своей деятельности...

Я уверен, что должны быть дорогие мероприятия. Нет у тебя денег – смотри с крыши соседнего дома. Или вообще не смотри. На Каннский фестиваль тоже не бесплатно пускают и далеко не всех. Надо создавать престижные шоу, а значит – красивые. Я верю, что когда-нибудь на «Задворках» будут собираться женщины в вечерних туалетах, мужчины в смокингах... Мы отвыкли от красоты. Нам кажется, если мужик в смокинге – значит, он официант.

Кроме того, это ведь не просто коммерческий концерт, но и праздник. Для друзей, близких. Для тех, кого я люблю. Для театра, в котором работаю. А почему я должен думать обо всех глобально?! Обо всех Ленин думал – вот мы и хлебам эту кашу столько лет...

Я помню, как готовились первые «Задворки» (фестиваль «Задворки» был создан в начале 1990-х). Это мероприятие действительно задумывалось как праздник для своих, для работников театра. С каким сумасшедшим энтузиазмом все пилили, строга́ли, строили, убрали! Каждый пытался приобщиться к этому празднику, сделать что-то полезное. Это было совсем не коммерческое мероприятие и не просто закрытие очередного театрального сезона, а действительно культурное событие. Разве возможно сохранить атмосферу праздника, если сегодня практически все подобные акции выродились и превратились в этакий повод для выкачивания денег...

И в то же время совершенно очевидно, что на Руси всегда были богатые купцы, для которых вложить деньги в культуру было не просто престижно. Это был вопрос долга. Вопрос чести, если хотите. Так вот, я за возрождение такой чести. Именно такой, а не той, что долгие годы проповедовала коммунистическая партия со своей коммунистической моралью... И потом, я же не обком собираюсь строить, а церковь возрождать. И между первым и вторым – огромная разница...

Сейчас мне стало понятно – да, я стремлюсь быть лидером. Не вижу в этом моем желании ничего плохого. Но осознание этого устремления пришло постепенно. Когда я приехал из Ферганы покорять Москву, у меня за спиной никого и ничего не было. А завоевать свое место под солнцем можно, только воспитав в себе лидера. Иначе тебя подавят другие... Я жил

в общежитии. Мама присылала мне двадцать рублей, стипендии я никогда не получал – не мог сдать экзамены по истории КПСС (сейчас оказалось, что я был не таким уж и тупым). На что я мог рассчитывать? Можно было уехать обратно в Фергану... Я уже был к этому практически готов... Сегодня и не представляю, что бы со мной стало, решился я на это бегство. Может быть, стал бы народным артистом Узбекской ССР, а может, спился бы где-нибудь под дувалом... По счастью, меня пригласили на роль в «Ленкоме». И понеслось... Пришлось доказывать, что пригласили не зря...

Внутри меня была масса провинциальных комплексов – ненависть к москвичам, к «золотой молодежи». Я считал себя абсолютно гениальным и совершенно незаслуженно обойденным вниманием кинематографистов. Но... стиснув зубы, как последний пацан, бегал на «Мосфильм», снимался в массовках, в атаки ходил... У Митты в картине снялся. «Москва – любовь моя». Мне казалось, роль замечательная, предел мечтаний – мимо меня Курихара проходила... Потом долгового мальчика заметили. Предложили эпизод – один, другой...

Завоевать Москву было немыслимо трудно... Средняя Азия, где я вырос, – это совершенно другой мир, другая психология, другое воспитание. В Москве я продолжал постоянно драться, попадал в милицию... Я столько всего начудил, пока понял что к чему... У меня даже был роман с американской шпионкой. Меня об этом в КГБ просветили, когда пытались меня завербовать. Просили отчетов – умоляли сообщать, кто и когда у нее собирается. Требовали, чтобы я ни в коем случае ее не бросал. Поначалу они показались мне ангелами, добрее отца родного. Но я почему-то испугался, понял, что поддаться на уговоры, согласиться с ними очень легко... Но это станет моим концом. Я даже не мог, да и сейчас не могу, объяснить почему. Почувствовал, и все тут... Они в театр стали звонить. Угрожали. Пугали. Впрочем, я до сих пор не уверен, что эта девушка была шпионкой. Она плакала, когда уезжала...

* * *

Вообще-то я сам хочу на что-то влиять и что-то менять. Насколько это возможно, насколько это в моих силах... Я хочу видеть красивые дома, красивую одежду. Красивые лица вокруг. И главное, счастливые лица... В нашей стране тебе ничего не грозит только в одном случае – если ты бедный, сирий и убогий. Всех раздражают красота, длинные ноги, ясные выразительные глаза... Подойди к западной женщине и скажи: «Как вы сегодня прекрасно выглядите!» Она ответит: «Спасибо». Наши женщины почему-то начинают стесняться: «Ах, перестаньте. Я только что с работы, и голова у меня немытая». Или хамят: «А сам-то, сам-то! Мужчина, на себя посмотри!» Разве это психология нормального человека? Я устал от серости. Я не могу видеть чернуху на экране, потому что каждый день сталкиваюсь с ней в жизни. Надоело думать о том, как мы все плохо живем. Давайте наконец думать о том, как все будет – да и есть – хорошо. И делать что-то для этого...

* * *

Я организовал объединение «Ленком» не потому, что мне нечего делать, а потому, что кроме меня никто за эту работу не взялся. Я точно, в деталях знал, как должно быть все устроено, и я довольно долго ждал, когда этим займутся те, кому положено.

Но ничего не менялось. В конце концов я понял, что нельзя рассчитывать на хороших дядей и тетей, которые придут и устроят нашу жизнь: поднимут артистам зарплату и вообще дадут возможность зарабатывать. Больше десяти лет я сам получал сто двадцать рублей и знаю, что это такое. Имея сегодня возможность зарабатывать много, я обязан думать о тех людях, которые работают со мной рядом и которые пока лишены такой возможности. Теперь, когда все звезды «Ленкома», начиная с Марка Захарова, дают концерты, четверть от вырученных

денег отчисляется на зарплату артистов театра, которые пока звездами не являются. Я против того, чтобы все были бедными, но гордыми. Я за то, чтобы все были гордыми, но богатыми. В нашей же стране большинство деятелей умеют только отнимать и делить, а других действий не знают...

Поначалу я с бешеным азартом смотрел трансляцию последних съездов, как безумный рвался к телевизору, где бы ни находился, надеялся на что-то. А однажды утром услышал, как дикторша пересказывала краткое содержание предыдущего дня работы съезда, – и ошалел, замер... и мне вдруг стало тошно. Я вдруг понял, что это не жизнь, а кино, этакое бесконечное, многосерийное шоу. Свора сытых людей, которые свистят о всеобщем благе... Чисто по-человечески я их очень хорошо понимаю: они борются за свое светлое будущее. Я тоже за него борюсь, но я не делаю этого за счет других. Аморально бороться за собственное счастье, шаря в кармане соседа. Они прекрасно осознают то, что их рука в чужом кармане. Я же бывал в этих комсомольских банях, в которых секретари гуляют. Все они прекрасно всё про себя понимают...

Я никогда не был пионером. Учительница в школе спросила: «Дети! Кто считает, что не достоин высокого звания пионера?» Нашелся единственный дегенерат – я. Встал и сказал: «Не достоин. Двойки получаю, и вообще...» В комсомол же я попал по стечению обстоятельств. В Ферганском драматическом театре было только два комсомольца, а нужно было создать комсомольскую ячейку, и срочно требовался третий. Меня силой втащили. Так что истинным комсомольцем я себя никогда не считал, но перед комсомольскими секретарями изредка выступал. Но это совсем неинтересно...

Вообще в жизни все гораздо страшнее, чем в кино. Я наблюдал такие чудовищные переходы людей из одного состояния в другое! Представьте себе, сидят интеллигентные люди, говорят умные, правильные вещи – срабатывает сдерживающий фактор: присутствие постороннего человека, то есть меня, артиста. Потом выпивают стакан. Потом еще стакан. Сдерживающие факторы перестают срабатывать – ты уже становишься своим. Тогда-то все и начинается... «Неужели у тебя нет премии Ленинского комсомола? Ну, старик, ты даешь! Петя, – обращается старший комсомолец к младшему, – завтра же организуй Абдулову премию...» Еще стакан. И понеслось. И уже девочки. И все остальное, что показано в картине «ЧП районного масштаба». А наутро эти люди тебя даже не узнают...

* * *

Конечно, у меня очень много несыгранных ролей – ролей, которые мне очень хотелось бы сыграть. Но не думаю, что я такой уж нереализованный артист. Не могу гневить Бога. Моя судьба в театре сложилась удачно. Да и в кино из шестидесяти картин, в которых я снялся, есть пять, может быть семь, за которые я отвечаю... Но в нашей стране творчество не может дать полного ощущения свободы. Я обязан создать вокруг себя и окружающих меня людей свободную экономическую зону...

Хотя теперь заниматься исключительно профессией мне уже было бы скучно. Нужно все время осваивать что-то новое. Когда-то я занимался реставрацией икон. Сейчас я начал рисовать. Увлёкся этим, после того как побывал в гостях у Параджанова: совершенно обалдел от его рисунков и коллажей... Жизнь такая короткая, нужно успеть как можно больше...

* * *

Я уверен сегодня даже больше, чем когда-либо, что был совершенно прав, не отказываясь от съемок. Я и сейчас много снимаюсь – к сожалению, не всегда удачно. Не могу представить себя сидящим дома сложа руки в ожидании, когда меня пригласят Михалков, Ряза-

нов или Данелия. Я могу перечислить фамилии сотен артистов, очень талантливых, которые так и остались невостребованными. Кинорежиссеры в театры не ходят, ассистенты по подбору актеров – тем более... Можно, конечно, уповать на его величество случай. Но его никогда не будет в твоей жизни, если ты не борешься за него. Я люблю работать, мне нравится играть. Я обожаю экспедиции и гастроли. Почему я должен был лишиться себя всего этого? Мне крайне важен процесс. Я не видел больше половины своих фильмов. Для меня важна неконечность этого самого процесса. Снялся в фильме, надо сразу сниматься в следующем. Иначе возникает ощущение чудовищной пустоты...

Некоторым людям кажется, что отношение ко мне изменилось после того, как я занялся бизнесом. Вроде как во мне увидели серьезного человека. Дескать, раньше во мне видели только звездного мальчика, победно шагающего из картины в картину и не очень-то разбирающего дорогу... Но это суждения людей, не знающих моих театральных работ. Я очень благодарен Захарову за то, что ему удалось «сломать» меня. Я счастлив, что сегодня у меня нет амплуа. Захаров предложил мне роль Сиплого в «Оптимистической трагедии», когда казалось, что я навечно останусь романтическим героем из «Обыкновенного чуда». Или, например, Верховенский в «Диктатуре совести»... Это роли, о которых в кино и мечтать не приходится. Но тем не менее, я думаю, что количество сыгранных мною киноролей постепенно перешло в качество. Меня заметили хорошие режиссеры. Это лишний раз доказывает, что нельзя сидеть сложа руки и ждать...

Актер – очень зависимая профессия, но мне в жизни всегда очень везло. Однажды я должен был принимать участие в концерте, посвященном сорокалетию Победы. Подготовили номер: я читаю стихи протеста, Долина поет песню протеста, а артисты из ансамбля Моисеева пляшут танец протеста вокруг нас. Шла репетиция. Пришел Демичев (министр культуры СССР, 1974–1986 гг.). Артисты сидят в первых рядах большого темного зала, мандражируют. Он – на самой верхотуре, молча наблюдает. Вдруг голос: «А почему нет Лещенко и Кобзона?» Моисеев (постановщик действия) не смог ответить. Тогда было велено, чтобы они вместо нас с Долиной исполняли песню «Ядерному взрыву – нет!». Перед нами извинились, и мы пошли к выходу. Когда проходили мимо Олега Борисова, который ждал своей очереди, он прошепел: «О, счастливы».

Потом я отказался читать стихи В. Фирсова на концерте для делегатов XXVII съезда партии. Сотрудник идеологического отдела ЦК партии принес эти стихи прямо в театр, директору. Они назывались «Мы державно идем в коммунизм». Я не знал, что делать. Мы тогда репетировали «Диктатуру совести», и в зале сидел Михаил Шатров. Он мне и насоветовал отказаться. Я позвонил, долго извинялся, ссылаясь на слабоумие. А потом, черт меня дернул, спросил, читали ли они сами эти стихи. Мне вежливо сказали, что нет, не читали. Я взял и брякнул: «Почитайте. Это за гранью добра и зла». Мне так же вежливо ответили, что обязательно последуют моему совету. Через полчаса из кабинета выскочил перепуганный директор с криком: «Ты никогда не получишь звание заслуженного!» Оказывается, ему позвонили и сказали: «Мы долго решали, кому поручить столь ответственное дело – Лановому или Абдулову. Предпочли Абдулова. Так вот, передайте ему, что нам тоже нравится не все, что он делает. И еще ему передайте, что стихи, одобренные идеологическим отделом ЦК КПСС, не могут быть за гранью добра и зла». И повесили трубку. Театр лихорадило, думали, что за этим последует приказ уволить меня и т. д. Мне удавалось избегать того, в чем многие сегодня каются. Разве это не везение?

...Помню еще один случай. Мне нужно было срочно лететь в Ленинград. Погода нелетная, все рейсы отменяют. Я, как всегда, пошел в «Интурист», потому что там девочки меня любят и всегда помогают. Обещали отправить первым же рейсом. Когда объявили посадку, я прошел в самолет. Вдруг появляется стюардесса и сообщает мне, что другой самолет вылетит на пятнадцать минут раньше. Я пересел. Тот самолет, в котором я уже сидел, разбился...

А однажды я вышел из театра и встретился взглядом с девушкой, которая стояла на улице и явно меня поджидала. Но не очень-то она была похожа на простую поклонницу. И руку как-то странно прятала за спиной. Интуитивно я шарахнулся за собственную машину. На долю секунды опередил ее движение: она достала стакан соляной кислоты и плеснула его в то место, где я стоял, с криком: «Не доставайся никому!» Маньячка.

Так что не могу сказать, что мне не везет. Я вены себе вскрывал от несчастной любви. И ничего – живу вот...

У меня сегодня много друзей среди хороших режиссеров. И это гарантия интересной работы. Я верю, что Горин не напишет для меня плохого сценария. Захаров, Балаян или Соловьев не предложат скучной роли. А Лебешев просто не сможет меня плохо снять. Не сумеет...

Не могу сказать, что в моей жизни все так уж безоблачно. Начиная с седьмого класса я работал на уборке хлопка. Но, правда, отчасти это был для меня самый настоящий праздник: берешь раскладушку, матрас и – вон из дома, подальше от родительской опеки. Свобода! Самостоятельность! Вечерами девочки, костры, прогулки под луной... А утром снова становишься буквой «Г» и сколько видишь до горизонта – все хлопок. Мне труднее всех было – я самый длинный... Да и норма – 50 кг в день, совершенно не детская. Выполнить ее нельзя ни при каких условиях. Мы и водой хлопок заливали. И землей засыпали. И камни в корзины подкладывали... Нас вызывали в школу, прорабатывали на педсоветах, грозились выгнать. А мы жили в казармах, в чудовищных, антисанитарных условиях, с одним сортиром на всех. Вместо жратвы – какая-то баланда. Но сложности нас не смущали. Мы ничего не знали про пестициды. Ну, пролетит вертолет – посыплет поле чем-то. Ну, листики пожухнут... Сегодня я с ужасом об этом вспоминаю. С тем большим ужасом, что ничего с тех пор не изменилось...

А в институте все считали, что я очень богатый, и многих это раздражало. Дело в том, что я обедал в ресторане. Просто мы с приятелем подсчитали, что за полтора рубля можно съесть шурпу, плов и выпить бутылку минеральной воды. Получалось и вкуснее, и дешевле, чем в любой столовке. А по ночам мы с тем же приятелем вагоны разгружали. И вообще, у меня в жизни сложностей было ничуть не меньше, чем у всех нормальных людей. Но не должны зрители об этом знать. Мы, актеры, должны нести в себе некоторую тайну и изо всех сил поддерживать миф о своей прекрасной жизни. Если на экране видно, что актеру безумно тяжело живется, невероятно сложно работается, – пропадает интерес к нему...

* * *

Популярность вовсе не дает ощущения раскованности или, там, внутренней свободы, независимости... Разве можно быть свободным в несвободной стране? Уверяю, что наша зависимость от обстоятельств становится с каждым днем все больше. Если меня останавливает гаишник, так вместо штрафа он просит сто долларов. Килограмм помидоров на рынке мне предлагают за четыре цены, а цветок – за пять... Чем вообще все это может закончиться? Я уж не говорю о том, что наша страна – единственная в мире, где платят не за работу, а за рассказ о ней. За спектакль «Юнона» и «Авось» я получаю около двадцати рублей. А за рассказ об этом спектакле на концерте – в десять раз больше... А после введения налога у меня вообще отпало желание играть концерты. Это то же самое, что слесаря заставить точить гайки бесплатно... Актер, по большому счету, приносит людям радость, а радость можно приносить, только если сам рад. А какая радость, если ты с голой жопой, простите, стоишь? Надоело мне слышать, что для счастья достаточно хлеба с водой. Недостаточно! Хлеб должен быть с маслом и с колбасой хорошей. С икрой, наконец. Сколько можно бедностью гордиться? Я готов работать 24 часа в сутки. Я в отпуске после института ни разу не был. Никого же это не интересует! И не надо меня упрекать – я прекрасно знаю, что такое актерские биржи труда. Меня еще отец водил. Я на всю жизнь это зрелище запомнил! Но нельзя сидеть сложа руки и жалеть живу-

щих хуже, чем ты. Я мечтаю организовать акционерное общество – богатое-богатое. Я хочу иметь возможность заплатить сто тысяч рублей, например, Анатолию Васильеву за то, чтобы он поставил спектакли в Перми, Горьком и Туле. Я написал сценарий и хочу попробовать себя в режиссуре. Я в лепешку расшибусь, но достану денег, найду спонсоров, приглашу сниматься лучших артистов и заплачу им по миллиону! Нужно создать прецедент...

Мы должны пройти через все. Не может страна одномоментно стать культурной. Мы хотим из каменного века сразу шагнуть в цивилизацию. И в результате находимся в состоянии Америки 40-х годов – сухой закон, мафия, рост преступности, наркоманы, проститутки, рэкет... Мы должны как-то, по возможности с минимальными потерями, эту стадию пройти. Пусть будет и плохое кино – оно само отомрет за ненадобностью через энное количество лет. Другое дело, что должны быть еще и режиссерские лаборатории, в которых проводят свои эксперименты элитарные режиссеры. Они должны быть на содержании государства. Остальные должны зарабатывать сами...

Я искренне верю в то, что в нашей стране можно жить не по-советски. Я, например, мечтаю купить дом в центре Москвы, обязательно с собственным садиком. Если мне кто-нибудь поможет в этом, буду очень признателен. Уж я бы такую там красотищу создал, что все окружающие осознали бы, что живут на помойке, и стали бы что-то делать. Может, проснулось бы тогда в людях чувство хозяина, ведь если рядом красиво, хочется же, чтобы у тебя было еще красивее...

Я уверен, что смог бы работать на Западе. Но мне постоянно чего-нибудь не хватало бы там. Я ужасный патриот своей страны. Я люблю ее за то, что при всеобщем идиотизме и неразберихе можно сделать что угодно. Ни с того ни с сего завод отгрохать, вовсе никому не нужный. Или, там, от щедрости душевной БАМ создать... Или пройти по всяким организациям, собрать десять миллионов и снять кино. Разве где-нибудь еще такое возможно? Думаю, прав был Бердяев – необъятное пространство на нас сильно действует...

* * *

Родиной я считаю Тобольск – город, в котором родился. Фергана опустела для меня – умер отец, убили брата... Я знаю, что сфабриковали дело, пытаюсь представить все таким образом, что якобы брат сам упал и разбился... Ко мне подбежала женщина со словами: «Саша, идите в морг, там дело фабрикуют...» Впрочем, тогда это уже не имело никакого значения. Мне следователь прокуратуры сразу сказал: «В Фергане никто никого искать не станет!» Убийцу до сих пор не нашли, хотя прошло много лет.

Помню, как во время учебы в институте приехал домой, в Фергану, и увидел отца, сидящего у телевизора. Он плакал. Показывали вручение ордена Ленина Ирине Родниной. Я не мог понять, в чем дело, а отец сказал: «Я только сейчас понял, что я неправильно жил». Он воевал на Курской дуге, из концлагеря бежал весь простреленный. Потом работал главным режиссером Ферганского драматического театра. Был очень уважаемым в городе человеком. Красная Звезда у него была, а на орден Ленина не потянул, для этого, оказывается, надо было уметь «тройной тулуп» делать...

Я был в Фергане не так давно. Приходил на могилу к отцу. Купил на рынке море цветов, примчался на кладбище: думал, могила неухоженная (давно там не был). И... обалдел: на могиле цветы лежат, конфетки какие-то... Старушки ко мне подошли: «Саша, думаете, мы забыли вашего отца?» Я был так за него горд!!! Это то, ради чего я всегда буду жить в театре... Потом у меня до самолета время было, приехал в ферганский театр, в котором отец работал. Когда-то он взял в театр маленького узбека – Жору. Тот так и рос при театре. Стал электриком. Я его встретил. Он меня еле узнал и рассказал такую историю: когда отца насильно отправили на пенсию, поздно ночью тот пришел в театр, поднялся на сцену, опустил на колени и поце-

ловал ее... Потом быстро встал и вышел. Вскоре отец умер... Человек, хоть раз вдохнувший запах кулис, поймет, о чем я говорю...

Мы очень много говорили с Робертом Де Ниро о том, насколько популярный человек способен влиять на ход исторических событий. Он убежден, что «Охотником на оленей» кинематографисты повлияли на отношение к войне во Вьетнаме. Поддержка кандидата на выборах знаменитыми артистами дает ему неоспоримое преимущество. Так что, думаю, влияние существует, по меньшей мере, оно возможно...

В национальных конфликтах нет ни правых, ни виноватых. Да и многих обстоятельств мы попросту не знаем... Нельзя примирить ссорящихся мужа и жену. Какие бы благородные цели ты ни преследовал, твое вмешательство обернется результатом, противоположным тому, которого ты хотел достичь. Еще и вмешаться не успеешь, а уже станешь злейшим врагом для каждой из противоборствующих сторон...

В Армению после землетрясения (землетрясение в Спитаке в 1988 году) хотел поехать, помочь, но был очень занят в театре – не получилось. Вообще возникает ощущение, что жизнь проходит мимо, и так страшно вдруг становится: чего-то не успел, что-то забыл, упустил, не обратил внимания. И это ускользнувшее, проскочившее мимо вдруг оказывается самым важным, главным. Тем, ради чего хочется и стоит жить...

* * *

Миф о том, что актеры – это в некотором смысле небожители, поддерживают сами актеры. Из последних сил шьют себе платья, костюмы, чтобы хоть как-то выглядеть, потому что они Актеры! Потому что артист не может выйти на сцену в старых туфлях, в рваных брюках, он их заштопает или придумает что-нибудь еще... А зарплата? Разве это зарплата звезды? Ну, не может звезда ездить в метро, не может! Хотя бы потому, что люди не должны каждый день ее видеть, они должны мечтать об этом. А когда они встречают актрису, которая только что сыграла Джульетту, в очереди за мясом вместе с тетей Маней... сами понимаете... Хотя случается, что мы работаем просто так, «за идею». У Балаяна я могу сниматься бесплатно. У Соловьева могу сниматься бесплатно... Ну, а за позор надо платить...

Я делаю все, чтобы ни от кого не зависеть, никому не быть должным. Хотя, естественно, долги есть. И денежные, и моральные...

* * *

...У меня всегда было множество друзей-журналистов, и я никогда не вступал ни в какие перепалки с прессой, но сегодня наглость репортеров, или как их еще назвать, я не знаю, перешла, по-моему, всякие границы. Происходит это от безнаказанности, и если законы не действуют, государство не в состоянии нас защитить – остается только мечтать о такой вот лицензии, чтобы иметь возможность самому постоять за свою честь.

На Западе ведь тоже есть «желтая пресса», но там я хотя бы могу подать в суд, и если судьи признают, что я прав, газета пойдет по миру. Здесь же я могу только набить морду наглецу. А что делать? Вот мальчик в «Московском комсомольце» написал про меня, что «Саша Абдулов продан за кусочек булочки...» (Это по поводу того, что мы согласились работать в команде Марка Рудинштейна)...Послушайте, мне сорок лет, я народный артист России. Какой я ему Саша? Какое он вообще имеет право на подобный тон? Нет, я понимаю, что каждый должен иметь возможность высказывать свое мнение, – ну, критикуйте меня за то, что я плохо где-то сыграл, но и у критиков должна же быть какая-то культура и ответственность за свои слова. А парень этот, он даже не был на вечере, про который писал...

Говорят: «А вы давайте опровержение!» Хорошо, один раз «Комсомолец» уже давал опровержение. Но теперь я хочу его найти и по-мужски с ним поговорить.

С «Собеседником» у нас тоже давний роман. Один раз они залезли в мою семейную жизнь – и я, честное слово, уже был близок к тому, чтобы набить морду их главному редактору, пришел к нему в кабинет. Тогда они тоже извинялись. Но ведь они не могут без жареного. Им же нужно привлечь к себе внимание – и вот появляется статья Даши Асламовой о ее сексуальных похождениях, как она со мной спала, с Хасбулатовым спала, а Травкину не дала... Да она, по-моему, просто больная женщина. И тоже решила таким образом «высунуться». Кстати, в Америке ведь была уже аналогичная книга, в которой журналистка описала свои романы со знаменитостями, но как она это подала: «Я счастливая баба – я спала с Кеннеди, я спала с тем, с другим – вот какие у меня были любовники!...»

Но что меня сильнее всего бесит – разве у нас не о чем больше писать, кроме как об исподнем белье? Это идет, по-моему, от грязных носков – знаете, когда человек сам ходит в грязных носках, он все время ощущает их, и поэтому ничего другого у него в голове просто быть не может.

Или читаю в «Московской правде» о том, что, оказывается, я открыл пельменную. Коля Караченцов, в интервью с которым это прозвучало, звонит, извиняется: «Я этого не говорил, просто журналист вписал такой вопрос – дескать, Абдулов открыл пельменную, а вы чем занимаетесь?» Ну как на такое давать опровержение? Хорошо еще, в Москве, в Петербурге люди прочитают и посмеются, а на периферии? Потом я приезжаю на встречи, а мне говорят: «Ну, как там ваша пельменная?» Или вот только сейчас в прессе написали, что Неелова вышла замуж за француза... Она говорит: «Саш, ну как мне теперь быть, писать, что это бред?» Глупость всегда легко ляпнуть, но потом, как ни странно, очень трудно отмыться. Вот, например, был случай с очень уважаемым мной Щекочихиным, который долго говорил: «Не надо трогать журналистов, берегите журналистов!» Потом у него спросили: «Как вы относитесь к Жириновскому?» А он ответил: «Ну он, знаете, такой клоун. Ну, как Леонов...»

Поэтому у меня большая просьба к журналистам: прежде чем писать о чем-то, а уж тем более о ком-то, надо хотя бы попытаться понять это что-то или кого-то, а лучше – просто полюбить. Актера действительно легко обидеть – все мы, к сожалению, очень ранимые люди, – пнут человека невзначай, потом скажут: «Ну, извини», – а этого «извини» уже никто не слышит...

Интервью перед выборами в московскую городскую думу

Дело в том, что я очень хочу заниматься именно тем делом, которым и занимался до сих пор. Я просто хочу, чтобы при этом у меня были развязаны руки... (Александр Абдулов – инициатор благотворительной акции «Задворки Ленкома», на средства от которой был восстановлен храм Рождества Богородицы в Путинках. До этого там почему-то содержали собак. Именно в этой церкви, восстановленной благодаря энергии, крови и поту, а главное – желанию ленкомовских актеров и их друзей, потом отпевали всеми нами любимого Евгения Павловича Леонова. На средства от одного из грандиозных шоу «Задворок» был приведен в порядок детский дом для детей-инвалидов в Дмитровском районе Московской области. Очевидцы говорят, что персонал детского дома рыдал, глядя на все эти свалившиеся точно с неба компьютерные классы, и твердил, что такое в наше время – просто невозможно.)

Я хочу – и это один из пунктов моей программы – восстановить парк и усадьбу «Кузьминки», создать, может быть, на базе Московского областного драматического театра в Кузьминках (ведь такая огромная площадь – и так мало задействована) звездный театр. Возможно, именно сюда будут приезжать и здесь, на этой сцене, будут выступать лучшие труппы зарубежных театров со всего мира.

Да даже если я и не пройду в Думу, то мы с друзьями соберемся вместе, «закрутим» какой-нибудь грандиозный концерт или шоу и постараемся восстановить усадьбу «Кузьминки» – поверьте, это не настолько трудно, насколько кажется. Но многие вопросы депутату решить проще.

К войне отношусь так же, как, думаю, большинство здравомыслящих людей. Я считаю любую войну величайшей трагедией. Не понимаю, почему в Чечне должны гибнуть наши ребята! Я не очень хорошо понимаю в этой связи политику и позицию президента страны. (Ельцин Б.Н. – первый президент РФ, 1993–1999 гг.) Но!.. Я не баллотируюсь на пост министра обороны. Я собираюсь заниматься совсем другими вещами, и жилищное положение одинокой старухи – то, что как депутат я, видимо, смогу разрешить, – кажется мне задачей не менее важной.

Я даю номер своего телефона огромному количеству людей. Я хочу собрать команду компетентных, инициативных специалистов, на которых (в процессе работы выяснится, кто есть кто) можно было бы положиться; команду, где каждый бы отвечал за свой участок работы; команду, которая хотела бы со мной работать по всем направлениям.

Я еще в детстве понял, что никогда никакой добрый дяденька не придет к тебе и не скажет: «Сашенька, на тебе». Все это сказки. Если сам не сделаешь, то никто не сделает. Привычка к труду, она воспитывается с детства. Нас было три сына в семье. Родители пропадали в театре. Папа был режиссером, мама – гримером. Дома мы сами мыли полы, сами готовили. Я и сейчас все делаю сам.

1995

* * *

У меня всегда работа на первом месте, потом – семья. Знаете, сколько помню (а наша антреприза существует уже более десяти лет), я ни разу не видел, чтобы в зале были свободные места. У нас всегда битком, всегда аншлаги. Всегда. Причем часто мы играем и в залах на две с половиной тысячи мест, а в Ленинграде, например, собираем Дворец спорта... Когда мы только-только начинали работать, у нас у всех была такая вера, что ли, в успешность нашего предприятия. Зачем же начинать, если ты не уверен? Конечно, надо было верить. Вот мы и верили. Да и сейчас то же самое. Это мой хлеб. В принципе, это все было сделано для зара-

батывания денег. Точно так же, как и работа на телевидении, и съемки в сериалах. Сейчас одновременно я снимаюсь в четырех картинах: «Блокада» (совместно с американцами), «Анна Каренина» у Сергея Соловьева, «Мастер и Маргарита» у Бортко. Я очень суеверный человек и заранее ничего говорить не буду, да и не хочется. Что касемо романа «Мастер и Маргарита» и всей этой мистики и чертовщины, которые якобы связаны и с романом, и с попытками его экранизации, – так это ваш брат журналист придумал. И режиссеры. Ну, значит, не смогли поставить, не сумели. А во Владимира Бортко я верю. Он замечательный режиссер, он это доказал и «Собачьим сердцем», и «Идиотом».

Только что я закончил писать новый сценарий – «Гиперболоид инженера Гарина» по роману Алексея Толстого. Если, бог даст, все будет хорошо, в декабре начнем это кино снимать.

Знаете, вопрос о том, сидит ли наш зритель у телевизора или же вернулся в кинотеатры, он и теперь актуален. Просто у нас кинотеатров не было. Это идиотизм наш: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...» Ну, разрушили до основанья, а дальше-то что? А там – пустота. Все кинотеатры пустили под рынки, под салоны. Прокат разрушили. А между прочим, в Советском Союзе кинопрокат был третьей строкой дохода государства после водки и табака. Кинопрокат содержал всю медицину и образование, понимаете? И это все разрушили! Ломать – не строить...

Мое отношение к современным телевизионным играм, в которых люди демонстрируют далеко не лучшие свои качества, но при этом зарабатывают деньги, совершенно однозначное – это надо показывать. Вот я и сам веду передачу, в которую приходят люди, желающие заработать легкие деньги (*экстремальное шоу «Естественный отбор»*). И я не то чтобы не уважаю этих людей, но примерно что-то такое я к ним испытываю. Я делаю все, чтобы это было заметно. Потому что я считаю, что деньги нужно зарабатывать. Надо работать. А ждать, когда богатство сверху упадет, – это как бы сказать помягче?.. Но люди приходят, уверенные в том, что все это вполне нормально. Наглые причем. Начинают возмущаться, если их ставят на место. И тем не менее, она мне нравится, эта передача. Скоро мы будем снимать продолжение – еще двенадцать выпусков. Эта программа – она ведь оригинальная, наша, а не краденая, не лицензионная. Это же такая редкость нынче – по-моему, она вообще одна такая, остальные все «сперты»!

Свои первые деньги я заработал в пять лет, я вышел на сцену в театре в роли деревенского мальчика – получил три рубля и принес зарплату домой.

* * *

Каждый сыгранный спектакль, он словно прибавляет тебе возраст: два с половиной часа на сцене – это не такое простое занятие. И конечно, полная глупость и пошлость то, что якобы сцена лечит, что якобы энергия зрительного зала возвращает тебе молодость. От зала, конечно, очень многое идет.

Если зал «дышит», если зал реагирует, то, конечно, отдача будет больше. У меня однажды была замечательная ситуация на одном спектакле. В первом ряду сидели муж с женой. Они смотрели-смотрели, и вдруг жена, ни слова не говоря, развернулась и – бац: залепила мужу по роже, отвесила такую увесистую пощечину, наотмашь, со всей силы. И он голову спрятал, отвернулся. А она дальше смотрит. Значит, так: история из спектакля совпала с ними, с их жизнью... Я понял, что точно попал в цель, в этот нерв.

Когда я в первый раз посмотрел фильм Милоша Формана «Пролетая над гнездом кукушки» с Джеком Николсоном, я хотел уходить из профессии. Это было давно, в такое время... Я тогда понимал, что мне такой материал сыграть никогда не дадут. Что у меня не будет возможности даже попробовать такое сыграть или нечто подобное. Знаете, раньше об актерах ходили легенды, а теперь сплетни. При том количестве информации и дезинформации,

которое на нас обрушивается, народ попросту тупеет. Сейчас время шарлатанов, сейчас очень легко обмануть. К сожалению, мы перестали писать письма, перестали читать. Я недавно чуть не упал со стула, когда по телевидению услышал о том, что провели опрос и составили рейтинг популярных актеров. Спросили у людей, кто знает Никулина и кто знает Шварценеггера. Оказалось, Шварценеггера знают больше, чем Никулина... Я уже не говорю о таких актерах, как Черкасов или Симонов. Услышав эти фамилии, люди спрашивают: «А кто это?» Мы довели страну до этого состояния.

* * *

Жизнь одна, хочется все попробовать. Ну, кто-то может тупо сидеть на одном деле, я не могу. Хотя все болит, что может болеть, видеть стал хуже, но больше всего устаю от безделья.

Иногда могу заснуть абсолютно одетым, в дубленке. Я еще молодым, когда одновременно снимался в четырех-пяти фильмах и облетал самолетом за сутки по четыре города, придумал для себя выход. Шапочку вязаную ношу, и вот на глаза ее – оп: все, ночь. Клянусь, шапочку на глаза – и сразу заснул. В секунду. Сейчас домой приезжаю (мы живем за городом) – ложусь на диван, собака ложится рядом, кошки две – на меня. И вот пока они «ур-ур-ур» – это какое-то успокоение. Сегодня утром встал, кошки на мне лежат. Пошел, дал им пожрать, пустил собаку погулять, вышел, мама спросила, чего я так поздно вчера вернулся, – ну, на то она и мама. Дальше уехал, сидел монтировал. Вот что такое жизнь, как можно объяснить? Одна из моих кошек прибилась на Валдае на съемках. Я жил в частном домике – и как-то смотрю, у входа котенок стоит кричит, уже умирал совсем, такой скелетик был. Я его пипеткой выкормил-выходил, с собой забрал, а когда привез, смотрю, жена в это время другого взяла, тоже маленького. Сейчас таких два брата вымахали – фантастика. Один рыжий, другой непонятный, как чернобурка.

Самое сложное из того, что приходится переживать моим близким, – это мое отношение к профессии. Домой прихожу уже не я – тень, руины мои приходят. Терпеть все время руины тяжело. Я бы не хотел, чтобы ко мне руины приходили. По идее, это невыносимо.

* * *

В картине «Бременские музыканты и С⁰», над которой я сейчас работаю, девятьсот восемьдесят семь кадров, я помню наизусть каждый дубль. Я, который забывает собственный телефон, никогда не думал, что на это способен. Я не вижу человека. Вот смотрю на кого-то – думаете, вижу? Это у меня «аудио» идет, а «видео» – совсем другое: чего я сегодня склеить забыл. Несинхрон абсолютный. Такое состояние. Я не боюсь браться за работу. У меня и редактора нет, и второго режиссера. Я привык сам за все отвечать. Если что-то не получится, виноват буду только я. Но оно получится.

Кажется, Белла Ахмадулина сказала: «Кто чего боится, у того то и случится». Когда-то я снял полудокументальный фильм «Храм должен остаться храмом» – это был мой первый режиссерский опыт. Потом, у меня как у актера сто двадцать картин, и уж я в монтажной посидел. Я всегда сидел в монтажной у Балаяна, у Соловьева, у Гинзбурга.

Наверное, да чего скрывать – я боюсь выйти в тираж, но не более, чем любой из нас... Я знаю себе цену как артисту – не по газетам, а по зрительному залу. Кроме того, я не сижу, не жду, чтобы меня позвали. Сам хожу... Начинать когда-то с массовок, половины уже не помню. По-моему, было такое – «Фронт за линией фронта»: я там бегал в атаку. Все время бегал. Человек не имеет права сидеть ждать чуда. Кому-то повезет, а кому-то – нет. Я же не говорю, что Смоктуновский – плохой артист. Но он полжизни прожил под лестницей в Театре Ленинского

комсомола, и дядя Ваня Толкушкин, закройщик наш, его кормил. Когда Смоктуновский стал князем Мышкиным, все сказали: «Гений», но это был тот случай, когда чудо произошло. Но оно могло ведь и не произойти... Я приехал из Ферганы как дворняжка, которая собиралась завоевывать Москву. Я этого хотел. По ночам разгружал вагоны, жил в общежитии – пять лет на Трифоновской, восемь – на Бауманской. Для меня это нормально. Я не жду доброго дядю. Ситуация падения, она ни для кого не исключена – если мозги откажут, стану дауном – тогда не исключена. Но все будет нормально, если я сам буду нормальным, сам не пушу себя в тираж, не пойду на телевидение. Нет, никогда не брошу камень в тех, кто снимается в рекламе, в сериалах, но вы много видели артистов, которые играют в «Ментах», а потом в хорошем кино? Я не пойду в сериалы, пока они не станут такими, какие делали Аранович, Лиознова. Болтнев в «Противостоянии» у Арановича сыграл гениально просто, Басилашвили там замечательный, вообще, это суперфильм. А сейчас сниматься в сериалах – это почти самоубийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.